

RU

Социальное мышление как предмет социально-философского анализа: теоретические и методологические аспекты

Андриевская Ж. В., Орлов М. О.

Аннотация. Цель работы – раскрытие феномена социального мышления в рамках социально-философских исследований, а также теоретических и методологических аспектов его анализа. В статье аргументируется, что современное понимание когнитивного измерения социальной реальности должно учитывать достижения естественных наук, позволяющих выделить несколько ее измерений, формирующих общий социальный порядок: измерение малых групп, измерение больших коллективов с эгалитарными системами идентичности и измерение социально-экономического порядка, основанного на разделении труда и социальной иерархии. Научная новизна исследования заключается в том, что социальное мышление можно определить как процесс взаимного согласования когнитивных элементов (символов, нарративов, практик) основных измерений социальной реальности с целью оформления и поддержания социального порядка. Методологической спецификой анализа социального мышления является выявление дискурсов, характерных для отдельных измерений социальной реальности, и их расщепление на различные элементы (символы, инструкции, нарративы), соответствующие дискурсу других измерений. В результате исследования установлено, что возникающие в результате пересечения общие для разных измерений общества элементы служат основой для оформления социального порядка, характерного для данного общества.

EN

Social thinking as a subject of socio-philosophical analysis: theoretical and methodological aspects

Z. V. Andrievskaya, M. O. Orlov

Abstract. The purpose of the study is to explore the concept of “social thinking” within the socio-philosophical research, as well as theoretical and methodological aspects of its analysis. The paper suggests that the up-to-date understanding of the cognitive dimension of social reality should take into account the findings of natural sciences that allow to identify several dimensions of social reality that shape the overall social order: the dimension of small groups, the dimension of large collectives with egalitarian identity systems, and the dimension of socio-economic order based on the division of labor and social hierarchy. Scientific novelty lies in the following: social thinking can be defined as the process of mutual coordination of cognitive elements (symbols, narratives, practices) of the main dimensions of social reality in order to design and maintain social order. The methodological approach to analyzing the process of social thinking amounts to identifying discourses specific to certain dimensions of social reality and to splitting them into various elements (symbols, instructions, narratives) corresponding to the discourses of other dimensions. The study found that the elements common to different dimensions of society that emerge as a result of the intersection serve as a basis for the design of the social order typical for a certain society.

Введение

Актуальность данного исследования выражается в том, что развитие научных знаний в сфере социальных наук, необходимость учитывать достижения других наук, в первую очередь биологических (нейрофизиология и этология) и точных (алгоритмы обработки больших данных, искусственные нейронные сети), обусловили ре-актуализацию проблемы надындивидуальных, т. е. присутствующих на социетальном (коллективном) уровне, когнитивных феноменов. Особенность современных исследований социальных когнитивных феноменов заключается в том, что предмет дискуссии – само существование подобных феноменов и их связь с индивидуальными сознаниями, а не с социальным порядком. Теоретической проблемой является понимание

социального мышления как аналога индивидуального мышления, ключевые признаки которого переносятся на уровень коллективной реальности. Однако такой перенос характеристик индивидуального сознания, включая интенциональность и наличие бессознательного уровня, на социетальный уровень ведет к методологическим ограничениям в понимании надындивидуальных когнитивных феноменов, которые интерпретируются исключительно в терминах индивидуального сознания. Это сужает теоретическую и методологическую перспективу исследований обсуждаемого феномена, фокусируя внимание на «структуры когнитивного взаимодействия со средой» (Ардашев, 2022, с. 121), и обуславливает заметный теоретический разрыв в объяснении, например, того, как (с помощью каких механизмов) коллективные когнитивные феномены участвуют в воспроизводстве социального порядка.

В то же время социальные механизмы и процессы, связывающие дискурсивные практики и материальные объекты, выходят за поле зрения изучений надындивидуальных когнитивных феноменов и в рамках структуры философского знания отнесены к акторно-сетевой теории и близким к ней теориям ассамбляжей Ж. Делёза и Ф. Гваттари (2010), а также М. Деланда (Delanda, 2016). Данные теории не обращаются к феномену общественного сознания, фокусируясь прежде всего на критических исследованиях в рамках социоматериального подхода, выросшего из синтеза «исследований науки и техники», организационных исследований и феминистских штудий (Haider, Sundin, 2023). Соответственно, возникает потребность преодоления теоретического и методологического разрыва в изучении социетальных когнитивных феноменов, обусловленного ограниченностью традиционных исследований общественного сознания и бессознательного как «менталитета» и «культурного кода». Для этих целей предлагается введение понятия «социальное мышление», которое, с одной стороны, свободно от влияния концептуальных ограничений «общественного сознания» (а именно, требование поиска в надличностных когнитивных феноменах аналогов индивидуального сознания), а с другой стороны, избегает ловушки сведения когнитивных феноменов к бесконечной игре письма (Ильин, 1996, с. 48).

Таким образом, одним из направлений современных научных поисков, в частности в социальной философии, является осмысление сущности феномена надындивидуального, или социального, мышления. В связи с этим возникает потребность в социально-философской концептуализации социального мышления с учетом накопленного опыта изучения данного феномена. Обеспечение такой концептуализации является целью предлагаемой статьи. Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

- выявить этапы теоретического осмысления феноменов общественного сознания и социального мышления;
- сформулировать соотношение социального мышления и социального порядка;
- раскрыть понятие социального мышления с учетом современного уровня знаний об обществе.

Методология исследования включает историко-сравнительный метод, используемый в разделе, посвященном этапам развития представлений о социальном мышлении, а также метод системного анализа – в разделе, рассматривающем соотношение социального мышления и социального порядка. В статье также используется предложенный Р. Рорти (2017) метод рациональной реконструкции, посредством которого разнообразие используемых различными авторами терминов, применяемых для обозначения надындивидуального уровня мышления, обобщается и интерпретируется в понятии социального мышления.

Теоретическую базу исследования составили работы, где концептуализированы такие понятия, как «общественное сознание» (Ардашев, 2020), «коллективное сознание» (Левин, 2015), «коллективное мышление» (Михайлов, 2020), «коллективный интеллект» (Желнин, 2021), «роевый интеллект» (Шаткин, 2024), «общественный интеллект» (Наумова, 2016), «коллективная рациональность» (Кудинов, 2020), а также связанные с ними понятия «коллективный субъект» (Пружинин, 2019) (в том числе «коллективный субъект познания» (Касавин, 2015)), «коллективное знание» и «коллективное действие» (Шевченко, 2023). Разнообразие используемых терминов отражает разные подходы к онтологическому статусу социетальных когнитивных структур – от процесса разделения и распределения интеллектуального труда (Пружинин, 2019, с. 106-107) до признания общественного (коллективного) разума как особой реальности в рамках ноосферных исследований в отечественной философии (Брагин, 2020), а также целостных устойчивых образований в коллективном бессознательном, основанном на физике квантового мира (Петренко, 2018, с. 97).

В практическом отношении представленные в работе концептуальные позиции предоставляют инструментарий для осмысления и оценки значимости актуальных явлений в общественной, политической и культурной жизни современного общества. Предложенная структура символической программы, включающая в себя символический объект, социальный дискурс и социальный порядок, может быть использована в рамках политического и государственного управления, а также при анализе тенденций в медиасреде.

Обсуждение и результаты

Этапы теоретического и методологического осмысления феноменов общественного сознания и социального мышления

Анализируя историю осмысления феномена надличностного (коллективного, социетального) уровня мышления или сознания в рамках социальной философии и близких к ней концепций теоретической социологии, можно выделить несколько основных этапов. Эти этапы также могут быть названы подходами, поскольку в современной социальной философии продолжают развиваться идеи, соответствующие самым ранним

этапам. Однако, на наш взгляд, накопление научного знания уже не позволяет механически опираться на теории более чем столетней давности, поэтому представляется более оправданным говорить об этапах осмысления данных феноменов.

Первый этап был связан с признанием факта и раскрытием механизмов социальной обусловленности индивидуального мышления. Идеи о детерминированности мышления классовой принадлежностью были представлены в трудах теоретиков марксизма. Так, К. Маркс писал: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила» (1955, с. 45). Позже концепция классового сознания была развита в работах В. И. Ленина (1963, с. 30) и Г. Лукача (2003). В западных академических кругах факт влияния общества на индивидуальное мышление был последовательно раскрыт в работах Э. Дюркгейма (2018) и К. Манхейма (1994, с. 9-10), а также, в психоаналитическом контексте, у К. Г. Юнга (2020). Дюркгейм указывал, что «В каждом из нас... живут два существа, которые хотя и можно разделить только путем абстракции, тем не менее различны. Одно из них состоит из всех психических состояний, которые относятся только к нам самим... Другое представляет собой систему идей, чувств, привычек, которые выражают в нас не нашу личность, а группу... Таковы религиозные верования, нравственные верования и обычаи, национальные или профессиональные традиции, разного рода коллективные мнения» (1995, с. 254-255).

Историческое значение этих теорий заключалось в том, что они прерывали индивидуалистическую традицию в европейской философии, восходящую к критике «идолов» рынка и театра у Ф. Бэкона и самодостаточному «Его» в философии Р. Декарта. В одно время с Дюркгеймом, Манхеймом и Юнгом эту индивидуалистическую традицию, крайне негативно оценивавшую всякое влияние общества на индивида, продолжали Г. Тард (2021), который в живописных оборотах представил достаточно гротескный образ коллективных представлений, и, в меньшей степени, У. Троттер (2023), негативно оценивавший «стадный инстинкт», присущий человеческой природе.

Основными методологическими предпосылками теорий, связанных с данным этапом, являются: 1) постулирование общества (общины, коллектива, этноса) как единого надиндивидуального организма и 2) перенос на общество когнитивных характеристик индивидуального субъекта, благодаря чему становится возможным говорить о субъекте коллективном. Эти предпосылки открывают перспективы для изучения таких феноменов, как социальная память, национальные мифы и архетипы и т. д. В то же время принятие органической метафоры для описания общества столкнулось с проблемой социальной солидарности, которая описывается, вслед за Дюркгеймом (2018, с. 575), через личное участие в общих ритуалах, что ставило вопрос о поддержании солидарности в крупных сообществах с высокой социальной мобильностью (эта проблемы была осмыслена еще у К. Манхейма (1994, с. 10)). Кроме того, в середине XX века представление о коллективном субъекте (акторе) отвергалось западными интеллектуалами по политическим причинам, а именно, в рамках борьбы с официальной марксистской идеологией (Йоас, Кнёбль, 2011, с. 327).

Второй этап решал указанную проблему в рамках структурно-функциональной теории, которая рассматривала общество не в качестве коллективного субъекта, а как систему, в которой социальные институты одновременно выступают инструментами влияния на индивидов и факторами устойчивости самого общества. Соответственно, влияние общества на индивидуальное мышление стало изучаться через призму традиций (Хайек, 2018, с. 88, 92), социальной памяти (Хальбвакс, 2007), институтов (Дуглас, 2020). В современной отечественной социальной философии синтез идей, соответствующих первому и второму этапам развития представлений об общественном сознании, представлен в концепции Р. Г. Ардашева (2022), рассматривающего социальное сознание через призму структуры индивидуального сознания и в контексте социокультурного гомеостаза.

Третий этап может быть назван постструктуралистским в широком смысле слова, поскольку он связан с обусловленным накоплением этнографических, исторических, социологических и культурологических наблюдений, кризисом главной концептуальной предпосылки предшествующих этапов, а именно представления об обществе как едином целом – организме или системе. То, что считалось единым обществом, объединенным институтами, архетипами, культурой, оказалось совокупностью более или менее взаимодействующих между собой латентных групп (Дуглас, 2020), пересекающихся и противоборствующих сетей власти (Манн, 2018) или обладающих собственной логикой иерархии и «величия» «общими мирами» (Болтански, Тевено, 2014). В конце концов представление о таком сообществе, как нация, было критически осмыслено как «воображаемое сообщество» (Андерсон, 2016). В постструктуралистском (в узком смысле слова) течении мысли феномен «отсутствующей структуры» привел к возникновению образа социальной жизни как неструктурированной и хаотичной «ризомы», т. е. сплетения пересекающихся между собой совокупностей материальных объектов, дискурсов и людей (Делез, Гваттари, 2010, с. 6-45). С подобными идеями коррелировала появившаяся вместе с цифровыми сетями концепция «сетевого» (Серкина, 2019; Марков, 2021) или «виртуального» (Иванов, 2002) общества, которая стала определенным теоретическим компромиссом, а именно, признанием того, что общество может рассматриваться как нечто целостное, хотя границы и структуры этой целостности являются динамичными и размытыми.

Выход за теоретические границы данного этапа во втором-третьем десятилетиях XXI века был обусловлен дальнейшим углублением научных знаний в сфере этологии (наука о поведении животных), антропологии и точных наук. Во-первых, наблюдения за общественными насекомыми и моделирование работы нейронных сетей, создание их цифровых аналогов продемонстрировали, что целерациональное поведение, обычно связываемое с мышлением и интеллектом, не обязательно требует в качестве неотъемлемого компонента такой феномен, как сознание. Мышление имеет эмерджентную природу и реализуется в качестве алгоритмов оптимизации

поведения совокупности нейронов, муравьев, термитов, пчел и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что индивидуальные когнитивные феномены более точно назвать интеллектом или мышлением, чем сознанием. Во-вторых, в работах М. Томаселло (2011, с. 103) и других антропологов и приматологов раскрыта ключевая когнитивная и поведенческая особенность человека – способность (и потребность) к подражанию (в том числе чужим намерениям, что создает общие намерения), что фактически ставит точку в долгих дискуссиях о том, как именно общество влияет на человека. Обществу нет необходимости принуждать человека к соблюдению норм, так как врожденные поведенческие особенности человека побуждают его подражать поведению других без какого-либо «самоотчуждения».

В-третьих, в фундаментальном труде М. Моффетта «Человеческий рой» (2022) была проведена дифференциация в человеческом обществе двух принципиально различающихся уровней социальности – взаимодействия в рамках малых групп по законам, общим с высшими приматами (с акцентом на личные связи, доверие и семью), и взаимодействия в рамках крупных сообществ по законам, общим с роями общественных насекомых (с акцентом на общие маркеры идентичности, которые позволяют сотрудничать незнакомым индивидам). При этом М. Моффетт (2022, с. 55) показывает, что сотрудничество не обязательно требует принадлежности определенному сообществу (и наоборот) и предлагает проводить границы общества по маркерам идентичности (принадлежности) к этому обществу. Свое исследование Моффетт строит на анализе взаимоотношений логики взаимодействий, унаследованной от приматов, и логики «маркеров идентичности», позволившей людям преодолеть агрессивное недоверие к чужакам, в случае наличия у них одинаковых знаков идентичности. Однако, акцентируя внимание на вопросах идентичности, Моффетт упускает из вида вопрос, как именно «маркеры идентичности» помогают термитам, муравьям и пчелам строить свои жилища, порой поражающие воображение тонкостью и точностью архитектурных решений. Но самое главное, что Моффетт игнорирует различие двух типов роя, а именно «эгалитарного» роя, в котором все индивиды идентичны между собой и их согласованное поведение служит индивидуальным целям поиска пищи или защиты от хищников (косяк рыб, воробьиная стая, рой москитов), и «организованного» роя с разделением труда и приоритетом защиты территории и ресурсов над выживанием отдельного индивида. Легко заметить, что именно связь роя с материальными объектами, по отношению к которым осуществляется целенаправленная деятельность, основанная на разделении труда, обуславливает непримиримую вражду к чужакам, в отличие от роев комаров, косяков рыб или воробьиных стай, которые также могут передвигаться как единое целое и менять формы, но не способны к иной деятельности и при этом индифферентны к чужакам. Если алгоритмы косяка рыб направлены на его адаптивный гомеостаз, обеспечивающий безопасность каждой особи, то алгоритмы термитника служат целям создания искусственной среды и ее защиты ценой жизни любой особи.

Последовательно анализируя наблюдения М. Моффетта, можно утверждать, что в человеческом обществе фактически проявились не два, а три уровня социальности – социальность стаи приматов, социальность эгалитаристского роя и социальность организованного роя. Соответственно, в социальной реальности следует выделять как минимум три уровня: уровень межличностных взаимодействий, малых и средних социальных сообществ, подчиняющихся правилам коллективной интенциональности и совместных намерений; уровень эгалитарной коллективности, связанный с поддержанием единства общества, обеспечивающего благополучие каждого посредством алгоритмов взаимодействия и распространения знания (например, «вирусной» информации в социальных медиа); и уровень организованного разделения труда, в рамках которого сообществом совершается целенаправленная, но не обязательно осознаваемая деятельность по трансформации окружающей среды с целью создания, поддержания и охраны искусственного социального и материального порядка, обеспечивающего воспроизводство общества через заботу о новых поколениях. При этом нужно учитывать то обстоятельство, что в человеческом обществе присутствуют все три уровня социальной реальности. Как указывает Моффетт, предки человека «в процессе эволюции постепенно перешли от обществ на основе индивидуального распознавания к обществам, отличающимся друг от друга маркерами» (2022, с. 544). Однако это обстоятельство, как показывает сам Моффетт, не отменило значимость индивидуального распознавания, а маркеры идентичности характерны для разных типов организаций больших сообществ. Пафос объемного сочинения Моффетта, направленного на преодоление вражды к чужакам, сместил фокус его внимания на вопросы идентичности вместо более глубокого анализа сочетания разных логик организации общества. Соответственно, изучение феномена социального мышления требует отдельной теоретической и методологической перспективы, которая брала бы в расчет сложную структуру социальной реальности, имеющей различные уровни.

Социальное мышление и социальный порядок

В своей книге «Критика и обоснование справедливости» Л. Болтански и Л. Тевено (2014) формируют концепцию «градов» и «общих миров», которые могут быть обобщенно описаны как «принципы справедливости», характеризующие отдельные измерения социальной реальности («грады» или «общие миры») и включающие в себя иерархию «величия» людей и вещей, а также практики обоснования или опровержения этого величия. Будучи в первую очередь социологами, Болтански и Тевено (2014) уделяют больше внимания эмпирическим примерам, причем связанным с социополитическим контекстом Франции конца XX века, в то время как их теоретические обобщения отличаются заметной расплывчатостью. Для нас наибольший интерес представляет интерпретация авторами концепции общества Дюркгейма через призму компромисса между разными «принципами» («градами», «мирами»). Болтански и Тевено (2014, с. 428) строят такую модель

теории Дюркгейма, в которой происходит компромисс между тремя «принципами» – «гражданским», связанным с коллективом и коллективной идентичностью, «научно-техническим», обосновывающим разделение труда, и «домашним» (*domestique*, в русском переводе «патриархальным»), опирающимся на логику малых групп доверия и авторитета (прежде всего в семье) и ее воспроизведение в профессиональных корпорациях. Легко заметить, что указанные «принципы» («миры») коррелируют с логикой и измерением эгалитарной коллективной идентичности (осознания группы как единого целого, части которого равны между собой), измерением личных взаимодействий, восходящим к социальной жизни приматов, и измерением организованных сообществ, занимающих определенную территорию и осуществляющих трансформацию естественной среды обитания в искусственную. «Величие» коллектива, согласно мнению Дюркгейма в интерпретации Болтански и Тевено (2014, с. 431-435), служит инструментом подчинения эгоистичных и разрушительных мотивов индивидов требованиям солидарности, которая, в свою очередь, поддерживается взаимозависимостью в рамках общественного разделения труда посредством вовлечения корпораций как аналогов «домашнего» «града». Таким образом, взаимодействие и динамичный компромисс трех различных измерений социальной реальности, обладающих специфическими принципами ее организации, вместе формируют то, что можно назвать «социальным порядком».

Л. Болтански и Л. Тевено (2014) отмечают, что Дюркгейм не использовал в качестве лежащих в основе общества «принципов» («миров») «миры» вдохновения, репутации, а также рыночный мир. Все эти измерения отличается ориентация на индивида, его личные характеристики (интересы, талант, славу), и поэтому они не могут лежать в основе социального порядка. Соответственно, они не предполагают какой-либо общей идентичности, хотя также могут быть связаны со сложно организованными социальными системами.

Основанный на динамичном компромиссе разных социальных измерений подход к пониманию социального порядка снимает теоретические и методологические проблемы, присущие исследованию данного феномена, концептуализация которого является длительной задачей в социальных науках (Социальный порядок..., 2017, с. 8-12). Традиционные подходы к пониманию социального порядка как некоей институциональной системе испытывают теоретические затруднения в том, каким образом разрушение определенного социального порядка, например в результате революции, не ведет к разрушению национальной и культурной идентичности. Для интерпретации этого могут создаваться объясняющие концепты мета-институционального уровня, например «эффект колеи», однако подобные концепты, в свою очередь, затрудняют понимание возможности трансформации социального порядка.

Подобные теоретические проблемы могут быть решены через методологический подход, опирающийся на выделение трех измерений социальной реальности, каждое из которых отличается собственной логикой упорядочивания этой реальности. Первое – измерение малых групп и индивидуальных взаимодействий, следующих логике семейных отношений, включая авторитет, доверие и принадлежность индивида к семье, расширенной до границ всей нации. Эта принадлежность формирует идентичность, которая обусловлена генетической связью индивида с родителями и далее по восходящей линии с остальными предками и их потомством. С этим измерением связан так называемый «парохиальный альтруизм» (Bernhard, Fischbacher, Fehr, 2006), предполагающий соблюдение этических норм (вплоть до самопожертвования) только в отношении членов своей группы. Второе – измерение эгалитарной коллективности, в которой все поколения и все индивиды имеют одинаковый статус как носители общей культурной, религиозной или идеологической идентичности, предполагающей одинаковое отношение к определенному набору ценностей и культурных символов. Третье – измерение в рамках социальной иерархии и общественного разделения труда, где граждане распределены по трем основаниям социальной стратификации – богатству, власти и престижу – в соответствии с местом, занимаемым в данной иерархии. Поскольку это измерение часто ассоциируется с социальным порядком как таковым (в том числе потому, что оно самопрезентирует себя в качестве такового), в зависимости от контекста его предлагается обозначать как социально-экономический или иерархический порядок.

Специфику логики указанных социальных измерений можно продемонстрировать на примере связи статуса индивида и требуемых от него действий. Если в социальном измерении малых групп (или, в терминологии Болтански и Тевено (2014), «патриархальном» (*domestique*) «мире») выполняемая индивидом работа зависит от его положения в поколенческой, семейной или квази-семейной иерархии группы, в которую он входит, то в иерархическом порядке, наоборот, статус определяется выполняемыми обязанностями. В измерении эгалитарной коллективности от всех одинаково требуется совершение идентичных действий, преодолевающих все социальные различия, но не способных решать текущие задачи поддержания существования общества.

Оформление и воспроизводство социального порядка, включающего в себя указанные различные измерения, обуславливает необходимость постоянного их взаимного согласования на уровне институтов, общественного дискурса, символов, практик. Мы предлагаем называть этот происходящий на уровне общества процесс согласования когнитивных особенностей указанных измерений социальной реальности *социальным мышлением*. Последнее обеспечивает поддержание социального порядка через согласование общих ценностей, национальных архетипов и мифов, присутствующих на уровне гражданского коллектива – «роя», – с задачами общественного разделения труда и поддержания безопасности материальной инфраструктуры общества, а также с индивидуальным поведением, в первую очередь в отношении того, что выходит за семейно-родственную логику «домашнего мира».

Социальное мышление может быть описано как набор суждений, с помощью которых оформляется и воспроизводится социальный порядок. Дж. Сёрл (Searle, 2010, р. 9-11) раскрывает весь арсенал различных видов

суждений (перформативные, конститутивные и т. д.), которые участвуют в создании социального порядка. Социальное мышление можно метафорически сравнить с катаболическим процессом в организме, в ходе которого происходит расщепление питательных веществ, что обеспечивает жизнеспособность организма. Постоянная работа социального мышления по обработке дискурсов, характерных для разных измерений социальной реальности, обеспечивает внутреннее расщепление дискурса каждого измерения для его приспособления к требованиям других измерений социальной реальности. Для отличия дискурса, присущего конкретному измерению, от его отдельных фрагментов, интегрированных в другие социальные измерения, будем называть последние «нарративами». Раскрытие процессов расщепления дискурса одного социального измерения на элементы, интегрированные в другие измерения, может быть представлено как самостоятельная методология социально-философского анализа социального мышления.

Рассмотрим примеры. Дискурс основанной на общей истории и культуре гражданской эгалитарной идентичности расщепляется на конститутивный нарратив, создающий и обосновывающий иерархию символов и памятных мест, связанных с прошлыми поколениями, чей авторитет по сравнению с живущим всегда выше, и инструкции (правила), точно фиксирующие действия, которые должны совершать индивиды поодиночке или вместе в отношении этих символов (начиная от сохранения неприкосновенности, т. е. «святости» этих символов, и завершая массовыми церемониями). Дискурс, легитимирующий общественное разделение труда и социальную иерархию, расщепляется на нарративы о материальных символах, которые играют роль общего достояния (семейного наследия) и при этом акцентируют статусные различия (например, символ Кремля является общим для всех граждан России, но в то же время подчеркивает сильную централизованную власть), а также нарративы, определяющие одинаковый для всех граждан алгоритм действий, которые они фактически могут не совершать, но будут признавать обязательными вне зависимости от социального статуса (защищать территорию, которая принимает Кремль в качестве своего наследия). Что касается расщепления дискурса, присущего малым группам и повседневным взаимодействиям, связанным с авторитетом, доверием, заботой и целерациональным поведением, на измерения эгалитарных коллективности и социально-экономического порядка, то эта тема оказывается наиболее исследованной в современной социальной философии и социальных науках, а также явно представленной в социальной практике. Распространение особенностей индивидуального мышления и семейных связей на большие сообщества концептуализировано, например, в таких понятиях, как «менталитет», «социологическое воображение», «воображаемые сообщества», «архетипы», «социальная память» и т. д. Использование той же логики в рамках социально-экономического порядка является аксиологической основой социальной политики современного социального государства, деятельности различных благотворительных организаций, а также экологического дискурса, соединяющего в единую сферу элементы «домашнего» («зеленый дом»), эгалитарного («экологический долг»), а также иерархического («зеленый курс»), предполагающий деятельность государственных и надгосударственных органов (Леонтьев, 2023) измерений.

Основываясь на проведенном анализе, дадим уточненное и более детализированное определение социально-го мышления. Социальное мышление является надиндивидуальным и многомерным процессом взаимного согласования когнитивных элементов основных измерений социального порядка – измерения индивида и малых групп, измерения эгалитарной коллективности и измерения социально-экономического порядка, связанного с социальной иерархией и общественным разделением труда. В социальном мышлении происходит расщепление целостных дискурсов, характерных для различных измерений, на их фрагменты, которые могут приобретать форму: нарративов о материальных объектах, имеющих символическое значение; инструкций по обращению с этими символическими объектами; а также нарративов о социально-экономическом порядке, легитимирующих социальную иерархию через отсылку к измерению индивида и малых групп, а также измерению эгалитарной коллективности. Это расщепление позволяет интегрировать разные измерения социальной реальности между собой на когнитивном уровне, тем самым внося вклад в оформление и поддержание общего социального порядка.

Заключение

В данной статье была предложена концептуализация феномена социального мышления в рамках социально-философского дискурса. С целью обеспечения такой концептуализации была проведена рациональная реконструкция развития представлений о социальном мышлении в истории философии и социальных наук. Было выделено три основных этапа данного развития. На первом этапе социальное мышление изучалось в контексте социальной (в том числе классовой) обусловленности индивидуального мышления. На втором этапе происходило исследование конкретных механизмов влияния общества на субъекта посредством институтов, традиций или социальной памяти. Третий этап характеризовался проблематизацией самого общества как объективно существующей реальности, что не способствовало исследованию социального мышления.

Современные антропологические и социальные исследования позволяют переосмыслить общество как синтез трех измерений социальной реальности. Это измерение малых групп (восходящее к сообществам приматов), эгалитарное и иерархическое измерение. Определенное сочетание этих измерений формирует социальный порядок, устойчивость которого обеспечивается, среди прочего, социальным мышлением. Таким образом, социальное мышление может быть определено как набор утверждений, возникающих в отдельных измерениях социальной реальности, но дискурсивно расщепляющихся таким образом, чтобы удовлетворять требованиям других измерений. Разложение в социальном мышлении присущих каждому измерению дискурсов на составные

элементы, которые коррелируют с дискурсами других измерений, позволяет находить элементы (в форме имеющих символическое значение материальных объектов, действий или нарративов), в которых происходит пересечение всех трех измерений, что обеспечивает оформление и поддержание устойчивого социального порядка. Предлагаемая концептуализация социального мышления в его связи с социальным порядком позволяет преодолеть существующие в современных социальных и философских науках теоретические препятствия в понимании надиндивидуальных когнитивных феноменов, избегая их восприятия по аналогии с индивидуальным мышлением.

Перспективами дальнейших исследований социального мышления являются выявление присущих крупным историческим сообществам (народам, цивилизациям, религиозным движениям) устойчивых паттернов в социальном мышлении, формирующих культурное и институциональное своеобразие этих сообществ на протяжении длительных периодов. Кроме того, отдельным важным направлением осмысления социального мышления является анализ его структурных элементов, а также различные формы взаимосвязей между этими элементами.

Источники | References

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2.
3. Ардашев Р. Г. Сознание и бессознательное как факторы социокультурного гомеостаза: дисс. ... д. филос. н. Чита, 2022.
4. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. Брагин А. В. Коллективный разум в контексте постсовременности // Ноосферные исследования. 2020. № 1.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург – М.: У-Фактория; Астрель, 2010.
7. Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020.
8. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: Дело, 2018.
10. Желнин А. И. Метасубъектная природа коллективного интеллекта: онтологический анализ // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 5.
11. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
12. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
13. Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций: пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2011.
14. Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4.
15. Кудинов А. С. Социальные дилеммы и коллективная рациональность // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2 (21).
16. Левин С. М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 6.
18. Леонтьев А. А. К вопросу о реконфигурации экологического дискурса (на примере взаимодействия научного и экологического дискурса в медиа) // Глобальный научный потенциал. 2023. № 5 (146).
19. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
20. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. М.: Дело, 2018. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э.
21. Манхейм К. Идеология и утопия: диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
22. Марков Б. В. Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2.
23. Маркс К. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50 т. М., 1955. Т. 3.
24. Михайлов И. С. Теории коллективного мышления: опыт классификации // Проблемы истории и философии науки и техники: сборник научных статей по материалам национальной научно-практической конференции аспирантов и магистрантов (г. Тюмень, 23 апреля 2020 г.). Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2020.
25. Моффетт М. Человеческий рой: естественная история общества / пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022.
26. Наумова Е. И. Дематериализация капитализма: общественный интеллект и прекариат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1.
27. Петренко В. Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2.
28. Пружинин Б. И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2 (48).

29. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М.: Канон+; Реабилитация, 2017.
30. Серкина Н. Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2 (41).
31. Социальный порядок в контексте современности: проблемы существования и развития: монография / Д. Д. Невирко (науч. ред.), Д. О. Труфанов, А. П. Павлов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017.
32. Тард Г. Общественное мнение и толпа / под ред. П. Когана. М.: АСТ, 2021.
33. Томаселло М. Истоки человеческого общения / пер. с англ. М.: Языки славянских культур, 2011.
34. Троттер У. Стадный инстинкт в мирное время и на войне / пер. с англ. А. Андреева. М.: АСТ, 2023.
35. Хайек Ф. А. фон. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018.
36. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
37. Шаткин М. А. Проблема приватности в цифровом обществе роевого интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. № 1.
38. Шевченко А. А. Коллективное знание и логика коллективных действий // Философия науки. 2023. № 3 (98).
39. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2020.
40. Bernhard H., Fischbacher U., Fehr E. Parochial altruism in humans // Nature. 2006. Vol. 442. No. 7105.
41. Delanda M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
42. Haider J., Sundin O. Sociomateriality // Information Literacy through Theory / eds. A. Hicks, A. Lloyd, O. Pilerot. L.: Facet Publ., 2023.
43. Searle J. R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Информация об авторах | Author information

RU

Андриевская Жанна Викторовна¹, к. психол. н., доц.

Орлов Михаил Олегович², д. филос. н., доц.

¹ Ростовский государственный медицинский университет;

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

² Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

EN

Zhanna Viktorovna Andrievskaya¹, PhD

Mikhail Olegovich Orlov², Dr

¹ Rostov State Medical University;

Saratov State University

² Saratov State University

¹ zhandan3@gmail.com, ² orok-saratov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.07.2025; опубликовано online (published online): 18.08.2025.

Ключевые слова (keywords): социальное мышление; социальный порядок; общественное сознание; социальная иерархия; social thinking; social order; social consciousness; social hierarchy.